

УДК 140.8:291.1

Ю.Ю. Першин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

АРХЕОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ВНИМАНИЕ

В статье автор делает попытку обозначить некоторые онтологические и антропологические константы и размытые ныне смыслы первичной, подлинной религиозности, искажающейся и деградирующей в тоталитарном диктате религиозных догм.

Только человек говорит: «Это я, а это – мое!» И готов за это убивать. (...) Бог сказал бы: «Это – я; а эта гора – тоже я! Каждый камень на ней – я, каждый куст – я, ущелье – я, пропасть – я, ручей в расщелине – я, руло ручья – я!» Вот что сказал бы бог...

Г.Л. Олди

И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством – в разуме.

Марк Тулий Цицерон

Будучи существом разумным, человек должен уметь мыслить, раз уж он хочет этого. Однако человек хочет мыслить, но не может.

М. Хайдеггер

Мы живем в ситуации «пост-». Сегодня – это «пост-» вчера. В этой быстро сменяющейся череде «пост-» очень трудно сохранить подлинность. Единственным спасением от такой размытости сознания являются некоторые традиционные, казалось бы, точки отсчета, точки опоры, константы, которые считаются неизблемыми, вновь и вновь требующими соотнесения с собой. Однако такая требовательность становится подозрительно навязчивой, и однажды при близком рассмотрении эти «вечные столпы» оказываются закорстевшими догмами, наполненными иным смыслом, отличным от первоначального. Именно в этот момент человек понимает, и артикулирует мысль о том, что заданные этими константами сознание, мировоззрение, рациональность, опыт – не работают, что так дальше мыслить и, следовательно, жить – нельзя. Необходимо заново определить изначальную подлинность мира, освободив ее от навязанных ментальных стереотипов. Здесь актуализируется проблема аутентичности, изначальности, подлинной, неискаженной коннотации, всех значений и смыслов, которые скрепляют собой человека, собирают его и репрезентируют.

Это не так просто сделать. Необходимо снять целые пласты исторических наслоений, задаваемых идеологической догматикой социо-культурных стереотипов и размытых смыслов. Это поистине археологическая работа, это поиск архе, того первоначала, которое задает человеческое мышление и отношение человека к миру. Такое мышление архаическое, первобытственное, ставящее иные акценты и открывающее иные смыслы. Эта работа трудна, но в настоящее время очень актуальна, и об этом свидетельствует целый ряд работ таких исследователей, как В.В. Савчук, И.А. Кребель, А.А. Курбановский, С.А. Маленко, которые фактически так или иначе занимаются археологией¹ – археологией культуры, мышления, сознания, рациональности, языка, восприятия, визуальности, самости человека.

Здесь же мы попытаемся если не вернуть, то хотя бы обозначить себе некоторые онтологические и антропологические константы, которые необходимы при рассмотрении смысла подлинной религиозности, искаженной и деградирующей в тоталитарном диктате религиозных догм. Эти основополагающие константы-смыслы-категории не подвержены коррозии времени, и заслуживают того, чтобы с них были сняты многие смысловые наслоения. В этом отношении становится актуальной археология религии. Как поиск изначального религио.

I

Археология религии – это, прежде всего, археология внимания.

В этой стратегии мысли философия религии пересекается с философской антропологией, выясняющей природу человека. Сразу же скажем: Человек религиозный – это, прежде всего,

человек внимательный. Собственно, быть человеком значит быть внимательным. Впускать в себя, иметь, содержать в себе и делать это постоянно, постоянно производить усилие внимания – это трудно. Впрочем, так же трудно, как и быть человеком. Здесь интересны размышления, относимые к полю субъективного идеализма, в которых человек – это человек ощущающий, воспринимающий, он же, как у Беркли, человек воспринимаемый. Быть ощущающим, воспринимающим – значит впускать, или вбирать в себя ощущения? Значит позволять, предоставлять им себя? Т. е. не иметь их, не содержать их, не наполняться ими, не втягивать и не удерживать их, а просто рассматривать их как фильм в пустом кинотеатре? Но последнее значит – не смаковать их игру, а потреблять их, потому что так привычно. Так делают все. Нет фильма – нет ощущений. Пустота. Здесь я – ничто без ощущений, без восприятия. В этом отношении внимание противостоит ощущению, восприятию как активность противостоит пассивности. *Погружение-в* противостоит *наблюдению-за*.

Бытие, по Хайдеггеру, означает присутствие. Быть значит присутствовать. Внимать. Иметь. Быть в состоянии обладания. Вмещения в себе. Здесь неуместно разделение, которое сделал Э. Фромм: «иметь» или «быть». Следует ли разделять единое? Значит ли это «вмещение в себя» – как у А. Камю – все сводить к человеческому? Значит ли это – обращать внимание? И обращение внимания, и вмещение в себя – внерационально. И то, и другое пока – так, как есть, пока еще не сведенные к рациональному, не ставшие им, пока еще не подвержены осмыслению и описанию-рационализации, пока не облечены в сторонний по отношению к внерациональному язык описания. Присутствовать – значит вдруг-понимать, что обращаешь внимание. Присутствовать – не хотеть потерять внимание, стараться не терять внимание, а это значит делать усилие. Вбирать в себя. Иметь в себе, обладая собой. Быть тем, что внимаешь, на что обращаешь внимание. Следовательно, присутствие – это обращение и удержание внимания. Быть – быть во внимании. Быть – быть в усилении. Еще точнее, быть в усилении внимания.

У Хайдеггера восприятие «это перевод греческого слова, что означает: заметить какое-либо присутствующее, замечая, взять его перед собой и принять как присутствующее. Это берущее-перед-собой-восприятие есть представление в простом, широком и одновременно сущностном смысле, в котором мы даем присутствующему стоять и лежать перед нами так, как оно стоит и лежит» [1]. Согласимся, что прежде, чем заметить какое-либо присутствие, необходимо направить на него внимание. В этом отношении требующее внимания это то, что привлекает внимание. Оно зовет нас, чтобы мы обратили на него внимание, вняли его, во внимании. Оно дает нам обратить на него внимание. Нам остается ждать *то*, что должно быть во внимании, *то*, что еще обратится к нам. Ждать – значит в *том*, что уже во внимании, выискивать *то*, что еще вне внимания, все, что скрыто внутри внимаемого. И если мы так ждем *то*, на что обратить внимание, то мы уже на пути к тому, чтобы обратить на него внимание.

Внимание возможно как при-нимание, но не вос-приятие. Однако *принимать* еще не значит *внимать*. Можно принимать или не принимать что-то в силу своих желаний, требований морали, опыта, воспитания. Но нам нужно другое при-нимание. Когда следует принимать так, как есть. Независимо от меня. Не проводя цензуру. Здесь я – наблюдатель внимающий, понимающий, вмещающий и содержащий, позволяющий «присутствующему стоять и лежать перед нами так, как оно стоит и лежит». А что мне позволяет присутствовать? Не слишком ли я самонадеян, обращая внимание, замечая, и давая присутствующему присутствовать так, как оно есть? Нет. Единственным оправданием моему присутствию является моя способность обращать внимание. Перефразируя Декарта, я есть, потому что я обращаю внимание. Именно в этом отношении для присутствующего, на которое я обращаю внимание, я сам становлюсь присутствующим. Я есть во внимании. Следовательно, и в центре *внимания* присутствующего, направленного на меня. Следовательно, и в центре присутствующего. Следовательно, и сам во внимании (на) присутствующего. Это своеобразная коммуникация внимания. Обратная связь через внимание. Ре-лигио через внимание. Быть – значит быть в ре-лигио. Быть религиозным – значит быть во внимании.

Ре-лигио – это коммуникация, диалог, обратная связь в тотальности языка. Того самого языка, что, по Хайдеггеру, есть дом бытия. Именно бытия, но не абсолюта. Это язык коммуникации, язык понимания, а не язык описания. Язык присутствия, внимания, но не вос-приятия. Внерациональный, еще не рациональный. Собственно, вне языка присутствие невозможно, потому что присутствие суть коммуникация. Присутствовать – следовательно, быть в дискурсе

коммуникации, в дискурсе ре-лигио. В языковом дискурсе, в дискурсе коммуникации (взглянем на приведенное Хайдеггером определение иначе) присутствующее дает нам себя заметить, и замечаемое, позволяет, чтобы мы взяли его перед собой и приняли как присутствующее. В нашем берущем-перед-собой-восприятии присутствующее дает нам представление, в котором оно стоит и лежит перед нами так, как оно стоит и лежит. Оно позволяет нам войти в коммуникацию, войти в ре-лигио. При условии, если мы этого захотим. Иными словами, коммуникация может не актуализироваться для нас в двух случаях: либо при несуществовании предстоящего, либо тогда, когда мы не обращаем на него внимания. Таким образом, для осуществления ре-лигио нужны воля и желание вступить в коммуникацию. Нужны воля и желание заметить и взять перед собой.

Тогда что такое религия? Это не ре-лигио. Религия как «восстановление утраченной связи» – это декларация желания восстановления внимания, внимания потерянного и отпущенного, перенесенного на что-то другое. Религия это процесс преодоления отсутствия внимания. Преодоление отсутствия присутствия. Ре-лигио не терпит отсутствия внимания. Ре-лигио – это присутствие внимания.

Помните, из афоризмов Ницше: «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Здесь коммуникация в стратегии обращения внимания и присутствия. Если отбросить патетичность звучания фразы Ницше, то он фактически дал формулу ре-лигио. В этом отношении становится понятно его отвращение к христианству. Оно не может смотреть в бездну и не учит этому. Оно боится смотреть в бездну, так как бездна – это предел. А предел всегда проверяет на честность. Помимо этого, признаемся, страх, как бэконовский «идол» мешает видеть за этой фразой странную интуицию Ницше. Это интуиция ответа бездны в ее обратном внимании. Это ницшеанская интуиция ре-лигио. Однако такого внимания вряд ли достоин тот человек, который долгое время считал, что обращает внимание на бога, но удовлетворялся только тем, что обращал внимание на самого себя, да и то, некачественно, обманывая себя. Что это значит, ощущать внимание бездны? Это значит стать присутствующим для нее, это значит стать обычным человеком, человеком внимания, человеком присутствия (которого Ницше почему-то назвал сверхчеловеком). Это значит войти в бытие, быть в присутствии, быть внимаемым, осуществлять ре-лигио как встречное внимание, коммуникацию, обратную связь. Бездна – это весь объем бытия, его топос, внимание бездны – это внимание богов. Кто не боится внимания богов? Кто может выдержать внимание богов? Кто достоин внимания богов?

Ре-лигио это дискурс внимания. Повторим: то, что мы называем религией, не равно ре-лигио. Это симулякр, вмещающий дискурс власти, пространство идеологии. Современные, задающие дискурс тотального, религии предназначены преимущественно для того, чтобы человек обращал внимание только на самого себя. Он сам обращается к себе за вниманием, сам требует своего внимания. Он не может без внимания. Здесь противоречие: требования соборности при одновременной концептуальной интроспекции и обращении человеком внимания только на себя. Однако парадокс в том, что он не уделяет себе того внимания, которого требует. Не отзывается тому (а значит себе), что требует внимания. Говоря языком Хайдеггера, он не входит в собственную сущность внимания, «чтобы поселиться там». Внимание скользит окрест, ни на чем не задерживаясь. Человек весь есть окрест, вне дискурса любых «центризмов», лого-, рацио- и пр. Все эти «центризмы» – пусты, так как *неприсутствующий* человек не просто неструктурирован сам, он не может задавать центра, так как точка его «сборки» не определена. Ее невозможно определить при отсутствии внимания. Поэтому человек всегда «где-то рядом». Но он умудряется отсутствовать и там. Отсутствует не только внимание, но и восприятие, которое, по Хайдеггеру, является главной чертой мышления. Такое внимание теряет сущность внимания. Такое внимание теряет человека. Здесь человек не есть внимание. Здесь человек не есть человек.

Ре-лигио это привлечение внимания. Необходимо привлечь внимание внимаемого, присутствовать в присутствующем. Необходимо привлечь внимание бездны, привлечь внимание богов, привлечь внимание бытия. Однако такое привлечение внимания – не эпатаж эгоцентрика. Человек внимательный есть в присутствии. Он там незаметен, так как он сам есть присутствие. Человек внимательный – человек присутствующий – человек религиозный неизбежно входит в дискурс ре-лигио. Человек актуализируется и осуществляется в ре-лигио. Здесь ему необходимо быть человеком, чтобы привлечь внимание богов. Религия же, наоборот, говорит о том, что

ему необходимо привлечь внимание богов, чтобы быть человеком. Говоря об обращении внимания самого на себя – это создание маски, имиджа, симулякра (как я там выгляжу в зеркале самого себя?) с надеждой на то, что боги клюнут на эту приманку, как голодные рыбы. Религио не подразумевает вопрос о том, «как я выгляжу». Здесь требуется утверждение – присутствие: вот-я-есть – *da-ich-bin*. Это ответ на *da-sein*. Обратная сторона *da-sein*. Так-бытие. В-мещение. В-нимание. Археология религии это поиск внимания в человеке.

Со-бытие подразумевает со-рефлексию. Бытие-внимание-присутствие подразумевает топологическую рефлексию. В религии есть бог, и есть я, субъект и объект, которые зачастую меняются местами. В религио есть в-мещение, отсутствие не-меня и не-его, единое-единство, спаянность, неразделимость. Поэтому внимание должно быть предельным. Не абсолютным – это понятие вызывает снисходительную улыбку по отношению к неудачному псевдо-рациональному конструкту. Предельное внимание зовут к себе предельные вещи – кровь, смерть, боль, потеря навсегда. В. Савчук, исследуя архаику, говорит также и о других предельных вещах – канибаллизме, человеческих жертвоприношениях. Человек должен был пройти и через это, чтобы понять, что такое быть человеком. Они нужны как «точка опоры», точка отсчета человеческого.

В этом отношении, как ни странно, любовь – не предельная вещь. Она, как у Шекспира, «слепа и нас лишает глаз». Она – роскошь неприсутствия. Жертва своим вниманием в пользу того, кто, возможно, не заслуживает его. Это огромный объем внимания, в котором место окружающего мира занимает один объект любви. Отражение любящего. Себя. Человек же учился и учится уделять внимание чему-то помимо себя именно в ситуации предела. Любовь – это не предел. Предел – это совесть, честь, ответственность, долг, воля и смелость держаться до конца, боль, ее преодоление, кровь, смерть. И вот парадокс: именно тогда, на пределе, с вниманием-ко-всему и начинается религио, открывается бездна и бытие начинает обращать внимание на человека. Человек – это человек предела. Археология религии – поиск предела в человеке.

Если мы говорим о том, что религио есть в-мещение, отсутствие не-меня и не-его, единое-единство, спаянность, неразделимость, то нам, действительно, не обойтись без топологической рефлексии. Собственно, топологическая рефлексия В. Савчука – это иной язык описания присутствия, иной язык описания внимания. Это в-мещение, сов-мещение того, кто рефлексиирует с тем, что рефлексиируется. Рефлексия сама в себе, для себя, рефлексия объема моего тела, которое занимает не только предназначенный ему объем, но и тождественно тому, что на первый взгляд, взгляд постороннего наблюдателя, не является моим телом. Это тотальное понимание. Тотальное понимание в присутствии себя. В присутствии в окрест. Потому что окрест – тоже мое тело². Все, что есть окрест, отражается через мою боль, плоть, кровь. Всё, что есть окрест, есть через мою боль, плоть, кровь. Мы с ним одной крови. Это и есть я. Я в самом себе. Я подобен себе. Я подобен окрест. Я переживаю окрест. Окрест – это мир. Он для меня является ценностью, которой являюсь я. Интересно, что топологическая рефлексия тождественна архаической рефлексии. Это не удивительно.

Хайдеггер дает диагноз: мыслить мы не можем. Хотя имеем возможности для этого. И объясняет, «что» и «почему». Савчук пытается сказать «как». Он дает свой рецепт – это культивация архаического сознания. Хайдеггер, фактически, описал все признаки *такого* сознания, описал точно, так, как описали бы его греки, если бы только можно было представить, что они за этот более чем двухтысячелетний период не прервали бы традицию античного языческого мышления, философии. Скажем честно, в этом отношении философия Хайдеггера – архаическая, языческая (какое нам дело до официальной религиозности, когда содержание мыслей говорит за себя лучше, чем вывеска). Савчук в своих интуициях также точен. Он говорит об одном из способов научиться *так* мыслить. Такое понимание дорогого стоит.

Савчук предлагает провести рекультивацию *архаического*³ сознания. Архаические элементы сознания концептуально возможны, а само архаическое сознание – принципиально *человеческое*. Архаическое сознание – предпосылка всякой сознательности и мысли, условие их жизнечности, его необходимо *культивировать* по двум причинам. Во-первых, полное отречение от архаического сознания возможно лишь как отказ от *самого* сознания. Во-вторых, при том, что архаическое в качестве составного компонента культуры, сознания и воображения никогда не исчезает из жизни, задача культивирования архаического пространства в современных услови-

ях может быть воспринята лишь как рекультивация технических средств встраивания человеческого в природное.

Рекультивация архаического, по Савчуку, это перевоссоздание, пересевание, возвращение в изначальную стадию возможности возделывать и воспроизводить. Это усилие, направленное на сведение множества людей в коллективность, формируемую общим осознанием принятия новой формы выживания, предполагающей отказ от ряда потребностей и желаний, от иллюзии господства и преимущества в пользу коллективному состоянию и продвижению, впитывающему в «я» все большее количество «мы», но, одновременно, направленное по геомагнитным линиям индивидуальной памяти и возбуждающее чувство уникальности общего рода, вписанного в обжитый им ландшафт. Архаическое выражает первый стихийный опыт постижения человеком мира, первый опыт культурных усилий, первой сознательности. Чем острее кризис цивилизации, тем неотвратимее требуется возрождение опыта культуры древних: необходима работа, обратная той, которая привела к кризису; необходимы новации-возрождения, новации-реунификации, новации-самоидентификации, новации-адаптации [2, с. 6–15].

Человек Архаический принимает отношение общества и природы как отношение двух активных и равноправных начал. Мироззрение архаического человека радикально центрировано; он мыслит свой мир – единым-единственным миром, миром, в котором он являет собой активное начало: жертвами и ритуалами организующий мир. Он Космостроитель [3]. Это тождество алтарей, тождество миров, каждый из которых уникален и един с каждым другим. Человек собирается в этом пространстве сборки, занимая собой это пространство, являясь подобным ему. Являясь им, и одновременно являясь собой. Здесь центр – всё пространство человека. Это пространство – его единое тело – космос тела, противостоящий хаосу тела.

Однако архаическое сознание – это мифологическое сознание. Последнее подразумевает присутствие не только здесь и сейчас, не только в пространстве окрест, становящемся единым телом с едиными нервами, но во времени. Здесь вызывает улыбку поиск утраченной связи с родственниками «по родовому дереву» записей на архивных бумагах. Такое восприятие родовых связей подобно нотам, записанным на бумаге. Эта музыка никогда не зазвучит, так как нет инструмента, на котором ее можно сыграть. В данном случае инструментом выступает архаическое сознание. Только оно поможет реально воплотить себя в предке. Только оно сможет дать понимание симпатии и симфонии с миром. Только оно поможет понять, что предок – это не *мой* предок, что он – это я. Да что там предок, все, что вокруг, окрест меня – это я, это небо – это я, земля – это я, мир – это я. И если что-то в мире болит – это моя боль. Если льется кровь – то это моя кровь. Такое сознание достойно богов.

Уходя вглубь тысячелетий, к началу человека, мы, зачастую не понимая что-то обнаруженное, не умея это объяснить, относим находку к ритуальной деятельности древнего человека. Делая это, мы как будто проводим цензуру, что нам понятно, а что нет. Ритуал для нас обладает странной рациональностью, он имеет отношение к магии, к религии. А магия и религия как минимум нерациональны, иррациональны. Ритуал – это наше спасение в непонимании рациональности мира. Не понимая его, мы сами измеряем его своей, современной рациональностью. И таким образом лишаем прошлое его собственной рациональности и навязываем ему нашу рациональность. Оно – такое, каким мы хотим его видеть. Отсюда религия (как и магия) – это свалка наших неспособностей мыслить иную рациональность. Мы выбрасываем на эту свалку часть от человека, которую не можем объяснить. Так мы предаем человека, предаем самих себя. На этой свалке необъяснимого не только мы изучаем их, древних, но и они изучают нас. Мы, замыкая круг, идем к себе.

Мы обречены на то, чтобы каждый раз приходиться к пониманию того, что все новое – это хорошо забытое старое. Возможно, пора перестать утешать себя политической религиозностью, предназначенной для управления социумом, но не для системной встроенности в мир. Возможно, пора понять, что (и здесь интуиции В. Савчука поразительно точны) архаическое как кровь и *ψυχή* культуры, основа сознания и воображения *никогда не исчезало и не исчезнет из жизни*, что *архаическое сознание в принципе неустранимо*. Скажем чуть иначе, архаическое сознание – это не только предпосылка всякой сознательности и мысли, не только условие их жизненности, но и ключ от прошлого и к будущему. Следовательно архаическое (читай: языческое⁴, если мы берем термин из лексикона противостояния, привнесенного социогенными⁵ религиями) мироззрение архетипично, неустранимо из жизни человека⁶, независимо от того, продолжается,

трансформируется или прерывается соответствующая ему физиогенная религиозность. Однако вхождение в дискурс физиогенной религиозности, актуализировавшейся в последнее время, невозможно без концептуальных философско-религиозных и религиозно-философских «раскопок» на, казалось бы, давно вдоль и поперек изученном архаическом религиозном пространстве.

Итак, подводя итог рассуждениям об археологии религии, скажем, что это поиск неких основополагающих принципов не просто бытия человека в мире, но и их коммуникации, внимания человека к миру, который в своей целостности может пониматься и приниматься архаическим сознанием человека. Археология религии – это попытка определить человека как человека внимающего, а следовательно – присутствующего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [2] и др.; [4] и др.; [5] и др.; [6–8].

² О том, что все вещи являются ни чем иным, как продлением тела человека, а его тело – продлением мира, говорится у М. Мерло-Понти [9].

³ Следует учитывать, что *архаическое* и *архаичное* не являются тождественными понятиями. *Архаичное* уместно относить к взглядам недавнего прошлого; оно имеет «привкус» негации и оценки. *Архаическое* – определение сознания, элементов, сторон, уровней сознания первобытного человека (см.: [2, с. 7]).

⁴ *Языческое* здесь понимается как дохристианское, архетипичное, природное. *Языческое* здесь не понимается в за частую распространенном ныне «неоязыческом», псевдоязыческом варианте как идеологическое, за частую махрово националистическое, шовинистическое, псевдо-религиозное, фантастическое, оккультное.

⁵ *Социогенная религиозность* понимается как имеющая истоки в социальности, порожденная социальной необходимостью, социальным заказом, предназначенная для выполнения определенных идеологических и политических задач, определенным образом структурирующая общество, его идеи, ценности, мораль в интересах отдельной группы лиц, отдельного класса. *Физиогенная религиозность* понимается как рожденная в результате коммуникации человека с природой, в результате антропоморфизации природных явлений и их обожествления, когда человек и социум не выделяют себя из природного мира. Физиогенная религиозность принимает форму так называемых «природных религий» и верований.

⁶ Архетипичность и повторяемость форм осознания мира делает неуместными споры о том, прерывается или не прерывается дохристианское миропонимание, каково оно, настоящее язычество. Оно неустранимо, как человек неустраним из этого мира, и говорить о его временном прерывании и неовозрождении, это все равно, что говорить о временном отсутствии человека в мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хайдеггер М. «Что значит мыслить» // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 134–145.
- [2] Савчук В.В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.
- [3] Савчук В. В. Введение в топологическую рефлексию (курс лекций). СПб.: Изд-во СПб. филос. об-ва, 2004.
- [4] Кребель И.А. Дологические структуры мира: сознание как живое поле бытия мысли // Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир»: Колл. моногр., посв. 30-летию каф. Филос. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2007.
- [5] Першин Ю.Ю. Археология религии: со-бытие рациональностей // Там же.
- [6] Кребель И.А., Першин Ю.Ю. Архаика re-ligio: символический порядок инобытия мысли (на примере мифопоэтики Серебряного века) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2009. № 3, Т. 1.
- [7] Курбановский А.А. Археология визуальности. На материале русской живописи XIX–начала XX веков: Дисс. ... д. филос. н. СПб., 2009.
- [8] Маленко С.А. Археология самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества. Великий Новгород, 2008.
- [9] Merleau-Ponty, M. Le visible et l'invisible. Paris, 1964. P. 324.